

УДК 81.373

ДИСКУРСИВНАЯ ПРИРОДА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Селиванова Е.А.

Черкаський національний університет імені Богдана Хмельницького, Черкаси, Україна

Статья посвящена рассмотрению проблемы дискурсивной природы фразем и паремий, квалифицируемых как особый осадочный тип дискурса, являющийся стабильным, имеющий высокую трансляторную мощь, служащий регулятором общественных отношений в социуме и источником сохранения культурной идентичности этноса.

Ключевые слова: фразема, осадочный дискурс, стереотип, архетип, интертекстуальность, синергетика

Современные теории дискурс-анализа рассматривают собственный объект не только как особый способ общения, но и как особый способ понимания окружающего мира или какого-либо его аспекта [14, 15]. Опираясь на постулат М. Фуко о децентрированности коммуникативного субъекта, представители критического дискурс-анализа считают главной движущей силой дискурса идеологию, которая подчиняет себе речевую деятельность, программируя ее порождение. Синергетический «переход» идеологий, осуществляемый в борьбе дискурсов, влечет за собой смену дискурсивных практик. При этом возникают условия для повышения роли субъектов дискурса, которые «могут действовать креативно, создавая свои собственные связи между разнообразными практиками и идеологиями, действию которых они подвергаются, а также преобразовывать эти практики структуры» [15, 91]. Тем самым, личность не просто интерпретирует окружающий его социальный мир, а изменяет и создает его с помощью нового дискурса. В данном случае в концепции критического дискурс-анализа возникает противоречие между антропоцентризмом личности в языке и дискурсоцентризмом языка, где личность лишь посредник, через который говорит господствующая идеология. Это противоречие может быть снято посредством разграничения коллективного и индивидуального антропоцентризма. Первый исходит из признания языка как знакового продукта коллективной проекции мира в этносознании, второй поддерживается креативными возможностями личности в обогащении языка и развитии его значений.

Апологеты теорий смены дискурсов в борьбе за достижение превосходства не могут игнорировать факт существования неких относительно стабильных дискурсов, настолько прочно укоренившихся в этносознании, что подспудно они нередко определяют эту борьбу и служат регуляторами смены идеологий. Исследователи называют их «осадочными», или объективными дискурсами [16, 34]. Это дискурсы культуры этноса: его религии, фольклора, семьи, обрядов, суеверий, мифов и т. д. Осадочным дискурсом следует считать и знаковый массив фразем и паремий определенного этноса. Фразеологический дискурс служит одним из аттракторов синергетической системы социума и культуры. Осадочные дискурсы доминируют, но не побеждают, они сосуществуют с победившей на определенном

этапе дискурсивно-идеологической структурой и, корректируя ее, могут детерминировать ее распад. Во фразеологическом дискурсе «в эллиптических формулах, оставленных в наследство потомкам» [4, 255], фиксируются и транслируются из поколения в поколение концептуальный и культурный «генотип» народа, его морально-этические, эстетические установки, ценностные ориентации и приоритеты, стереотипы, психологические и культурные архетипы, мифы, ритуалы и суеверия, сценарии общественно-политической жизни. Тем самым, данный осадочный дискурс в наибольшей степени представляет специфику национальных менталитета и характера, что, очевидно, позволяет ему выступать одним из регуляторов дискурсивной и идеологической борьбы. Не потому ли современные общественные науки посткоммунистического пространства переживают методологический кризис, что длительное время анализ общественно-политических явлений осуществлялся практически без учета факторов этносознания и культуры. Между тем как именно этот устойчивый глубинный фактор являлся нередко одним из главных, если не определяющим в выборе той или иной политической системы, в регулировании общественных отношений, возникновении и устранении конфликтных ситуаций.

Именно поэтому исследование фразем и паремий как репрезентант коллективного опыта народа и его культуры в синергии дискурсивного пространства языка может пролить свет и на процессы борьбы и смены идеологий и дискурсивных практик. Фразеологический дискурс является настолько гибким, что проникает в любые дискурсивно-идеологические практики, сферы общения, стили и жанры речи. Его синергетическое взаимодействие с социумом и культурой этноса, интердискурсивность создают противовес деструктивным тенденциям, заключенным во внутренней языковой сфере данной семиотической системы, как-то: десемантизации и демотивации, контаминации и компрессии, идиоматичности и парадоксальности, надметафоричности и образности. Деструктивность данных тенденций проявляется в ослаблении устойчивой связи между содержанием языковых знаков и их номинативной структурой, что усложняет запоминание и применение фразем и паремий и, соответственно, способствует выходу их в пассив языка. Однако, как это ни парадоксально, степень укорененности подобных знаков в этносознании чрезвычайно высока, что позволяет им постоянно воспроизводиться дискурсивно. Причиной этого является природа синергии данного «языка в языке» в дискурсивном пространстве.

Синергетика фразеологического дискурса, представленная в параметрах самоорганизации, обеспечивает условия его сохранения в этносознании и высокую трансляторную мощь.

Одним из параметров устойчивости и активности данного дискурса является стереотипизация, которая лежит в основе фразеологических знаков и базируется на природной способности человека когнитивно моделировать окружающий мир и внутренний рефлексивный опыт, алгоритмируя и категоризируя их, и руководствоваться этой моделью в своем поведении и взаимодействии с другими людьми. Последнее создает почву для существования сети категорий коллективного сознания этноса, фиксированной в его языке. Этнос усваивает модель мира исходя

из языковой категоризации, а фразеологический массив манифестирует эти категории исходя из стереотипов. Стереотипы, по мнению ученых, являются стабилизирующим фактором, позволяющим сохранять и трансформировать некоторые составляющие культуры, выявлять «себя среди своих» и одновременно опознать «своего» [7, 110]. Вовлеченность представителей определенного этноса в сеть стереотипов обуславливает декодирование сенсорных, аксиологических, антропоморфных, зооморфных и др. метафор, конверсационных импликатур, переинтерпретацию различных культурных кодов [5, 231-258; 11].

Так, некоторые культурные коды демонстрируют стереотипы аксиологической переинтерпретации, в частности, сенсорный и пространственный. В культуре славянских народов позитивная оценка опирается на сенсорнику светлого, блестящего, сладкого, теплого, тихого, имеющего приятный запах; негативная – на ощущения черного, темного, тусклого, серого, кислого, горького, соленого, холодного, очень горячего, громкого, резкого, имеющего неприятный запах, связанного с физической болью, а также с гештальтами различных зрительных помех [12, 12–20].

Во фраземах и паремиях параметры пространственного кода *вверх, правый, вперед, глубокий* обнаруживают способность к переносу в сферу позитивной оценки, векторы *вниз, левый, назад, мелкий, боковой, круговой* – в сферу негативной аксиологичности. Соматический код служит базой для стереотипизации духовного, пространственного и временного кодов культуры. Биоморфный код порождает антропометрические стереотипы на основе двойной метафоризации: животным приписываются качества людей, а затем их знаки используются для обозначения человеческого поведения, состояния и проч. [11].

Вторым параметром самоорганизации фразеологического дискурса служит архетипное проектирование, проявляющееся в означивании психологических и культурных архетипов определенного этноса и позволяющее распознавать аксиологические характеристики эго, света, огня, земли, регенерации, некоторых пространственных векторов, своих и чужих, отношений родства и т.д. К примеру, в украинских фраземах и паремиях наиболее значимой является личностная оппозиция своего и чужого. Я предстает как центр бытия, отправной момент существования других, чужих не-Я. Позитивный индивидуализм собственного эго связывается с рассудительностью, невмешательством в дела и слова других, умеренностью поведения [10, 214–231]. В украинском этнознании это обусловлено, по мнению этнопсихологов, «индивидуалистским кодом ценностей, стимулирующим мотивацию достижений, личную независимость, автономность, стремление опираться лишь на собственные силы, уверенность в себе» [3]. Отчуждение от себя как личности воспринимается этносом как разрушение, психическое заболевание, утрата душевного спокойствия.

Параметр символизации, обусловленный фиксацией фраземами и паремиями как языковыми экспонентами культурных знаков [13, 250] прецедентных феноменов этноса, конвенциональной образно-эстетической информации, также организует данный дискурс и противодействует его деструктивным тенденциям. По мнению Н. Арутюновой, символы имеют более высокий семиотический статус по сравнению с

метафорой и образом, ибо его предназначение – объединить усилия общественных, племенных и национальных коллективов [2, 338]. Понятность и конвенциональность символов для всех носителей языка значительно облегчает декодирование содержания фразем и паремий и повышает их сохраняющую способность.

Параметром самоорганизации и трансляторной мощности фразем и паремий является интертекстуальность, представленная как в рекурсивных связях фразеологизмов и паремий с иными текстами, значимыми в культуре определенного этноса, так и прокурсивной активностью фразеологических знаков в текстовой перспективе. А. Потебня рассматривал процесс становления внутренней формы фразеологизмов на базе синтаксически более широких номинативных единиц, фрагментов текстов или целых текстов как универсальный механизм фразобразования, причем такой рекурсивный интертекстовый переход может быть последовательной редукцией текста или аллюзивным преобразованием его во фразему [8, 71–82]. Б. Ларин, наоборот, высказывал мысль об обратном возникновении от фразеологических оборотов более крупных знаковых единиц, в частности, пословиц как результата «развертывания давних сокращенных лаконичных формул идиоматического плана в более полный и понятный образ» [6, 143]. Тем самым, очевидными являются два типа интертекстуальных связей фразем и паремий: рекурсивный и прокурсивный.

Более масштабным параметром самоорганизации фразеологического дискурса служит интерсемиотичность как манифестация отображения во фраземах и паремиях продуктов культуры: обрядовой и ритуальной семиосистем, материальной культуры, искусства и т.д. Связь фразем и паремий с различными текстами и продуктами культуры устанавливается также путем стереотипизации как алгоритмизации в этносознании определенных сценариев, повторяемых во фразеологическом дискурсе. Н. Алефиренко назвал это явление ритуализацией – «формированием в пределах той или иной этнокультурной группы устойчивых языковых структур, каждая из которых исходя из наличия особой внутренней формы связана с дискурсивно стереотипной коммуникативно-прагматической ситуацией» [1, 280].

Внутрисистемным параметром, способствующим сохранению фразеологического массива языка, является частичная пропозициональная мотивированность многих из них, значительно облегчающая запоминание, сохранение и передачу последующим поколениям в целом образно-метафорического или парадоксального содержания фразем и паремий. Наличие компонентов, фиксирующих буквальное содержание фразем и паремий в прямых значениях, способствует и декодированию фигурального ассоциативно-образного содержания.

Синергия дискурсивного пространства языка обеспечивается интердискурсивными свойствами фразеологического фонда как способности вовлекаться в любые дискурсивные практики, конструировать их и модифицировать. Этот параметр также обуславливает организующую роль фразеологического дискурса. Синергетическая включенность дискурса фразем и

паремий в соціум, язык, культуру, представлена в даних параметрах самоорганізації, забезпечує не тільки функціонування і розвиток етносу, але і в кінцевому рахунку його існування і збереження.

Підводячи ітоги, слід підкреслити, що пропонуємою нами дискурсивно-синергетичний підхід до дослідженню фразем і паремий має значущі перспективи в плані розробки виявлених параметрів і деструктивних механізмів в конкретних мовах і для різних історических епох боротьби дискурсу, панства і зміни ідеологій.

Список літератури

1. Алефіренко Н.Ф. Поетическа енергія слова : синергетика мова, свідомості, культури. – М.: Лібрис, 2002.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1998.
3. Баронин А.С. Этническа психологія. – К.: Тандем, 2000.
4. Касарес Х. Введение в современную лексикографію. – М.: Изд-во иностр. лит., 1958.
5. Красных В.В. Этнолінгвістика и лингвокультурологія. – М.: Гнозис, 2002.
6. Ларин Б.А. История русского языка и общее языковедение. – М.: Наука, 1977.
7. Маслова В.А. Лингвокультурологія. – М.: Академія, 2001.
8. Потебня О.О. 3 лекцій по теорії словесності: Байка, прислів'я, приповідка. – Харків, 1930.
9. Селіванова О.О. Сучасна лінгвістика: напрями та проблеми. Підручник / МОН України. – Полтава: Довкілля-К, 2008.
10. Селіванова О.О. Концептуалізація *свого* й *чужого* в українських пареміях // Наукові записки Луганського нац. пед. ун-ту. – Луганськ: Альма-матер, 2004. – Вип. 5. – С. 214–231.
11. Селіванова О.О. Нариси з української фразеології (психокогнітивний та етнокультурний аспекти). – Київ-Черкаси: Брама, 2004.
12. Селіванова О.О. Переінтерпретація сенсорного коду культури в українській фразеосистемі // Лінгвістика: Збірник наукових праць. – Луганськ: Альма-матер, 2004. – № 2 (3). – С. 12–20.
13. Телия В.Н. Русская фразеологія. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996.
14. Филиппс Л., Йоргенсен М.В. Дискурс-анализ. Теория и метод. – Харьков: Гуманитарный центр, 2004.
15. Fairclough, N. Discourse and Social Change. – Cambridge: Polity Press, 1992.
16. Laclau, E. New Reflections on the Revolution of Our Time. – London: Verso, 1990.

Селіванова О.О. Дискурсивна природа фразеологізмів /О.О.Селіванова// Ученізаписки Таврійського національного університету ім. В.І. Вернадського. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – 2011. – Т. 24 (63), №1 Ч.2. – С. 132-136

Стаття присвячена аналізу проблеми дискурсивної природи фразем і паремий, які кваліфікуються як особливий «осадовий» дискурс, що є стабільним, має високу трансляторну потужність, служить регулятором суспільних відносин у соціумі і джерелом збереження культурної ідентичності етносу.

Ключові слова: фразема, осадовий дискурс, стереотип, архетип, інтертекстуальність, синергетика

Selivanova O.O. Discursive parameters of phraseological units / O.O. Selivanova// Scientific Notes of Taurida National V.I.Vernadsky University. – Series: Phylology. Social communications.– 2011. – V.24 (63), №1 P.2. – P. 132-136

The article focuses on the problem of discursive parameters of phraseological units as a special «objective» type of discourse, which is stable, having high translator power. Phraseological discourse is a regulator of public relations in society, and a source of maintainance of ethnic cultural identity.

Key words: phraseological unit, objective discourse, stereotype, archetype, intertextuality, synergy

Стаття надійшла до редакції 23 листопада 2010 року